

няками, лояльными к советской власти, но при этом местными властями они характеризуются в целом негативно. С другой стороны, они могли иметь хозяйство с явными признаками «кулачества», но характеризоваться положительно. Это может свидетельствовать о том, что местные власти руководствовались директивами сверху, имели «лимиты» на высылку, но действовали поспешно и некомпетентно.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив Новосибирской области. — Ф. Р.-499. — Оп. 1. — Д. 1064.

Информация об авторе

Филиппенко Ольга Вячеславовна — магистрант, Гуманитарный факультет, кафедра отечественной истории, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2, e-mail: Olga.Kanyskova@mail.ru.

Author

Olga V. Filippenko — Undergraduate Student, Faculty of Humanities, Department of National History, Novosibirsk State University, 2 Pirogov St., Novosibirsk, 633010, e-mail: Olga.Kanyskova@mail.ru.

УДК 338.45:622(571.53)(09)
ББК 65.305(253.5)г

Ю.А. ФОМИНА

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕСТНОЙ ТОПЛИВНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В ПРЕДВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1939–1940)

В статье рассматриваются проблемы развития местной угольной промышленности Иркутской области в предвоенный период. Анализируются экономические, производственные и социальные трудности на шахтах местного подчинения.

Ключевые слова: Иркутская область, местная промышленность, местная топливная промышленность, шахты местного подчинения.

YU.A. FOMINA

MAJOR DEVELOPMENT TENDENCIES OF LOCAL FUEL INDUSTRY OF THE IRKUTSK REGION AT PRE-WAR PERIOD (1939–1940)

The article is aimed to consider the touchstones of coal industry development before the Great Patriotic War in the region. The research focus

is on economical, industrial and social hardships within the mines of local subjection.

Keywords: Irkutsk region, local industry, local fuel industry, mines of local subjection.

Местная топливная промышленность Иркутской области начала развиваться незадолго до Великой Отечественной войны. В ряде районов области были построены шахты местного значения. В ведении Иркутского областного управления местной топливной промышленности функционировали две шахты: Черемховская городская шахта, в г. Черемхово и Делюрская шахта в Заларинском районе. В структуру местной топливной промышленности входила также шахта «Половинский уголь», системы областного промыслового союза.

Основным поставщиком угля для г. Иркутска являлись Делюрские угольные копи. Копи были открыты в 1929 г., однако месторождение угля основательно не было разведано. Впоследствии копи переходили из ведения одной организации в другую и несколько раз консервировались. Шахта была близко расположена к линии железной дороги, имела большие запасы угля и благоприятные условия его залегания. Однако, до 1938 г. никаких капиталовложений в восстановление этой шахты не производилось. В конце 1938 г. была восстановлена штольня № 4, в 1939 г. штольня № 3. Следует отметить, что Делюрский уголь был достаточно низким по качеству, т.к. содержал до 5 % серы [1, л. 2].

Черемховская шахта обеспечивала углем г. Черемхово и частично г. Иркутск. Шахта была заложена в ноябре 1938 г. и запроектирована на 50 тыс. т годовой угледобычи [1, л. 5].

Артель «Половинский уголь» была организована в 1932 г. и находилась в 15 км. от станции Половина, в Усольском районе. Однако первая заложённая шахта была завалена, а вентиляционный шурф, из которого велась добыча угля, был пробит только в 1938 г. [1, л. 8]. В 1939–1940 гг. шахта еще продолжала строиться. План угледобычи 1939 г. шахтами областного подчинения был выполнен на 117,4 % [1, л. 5].

Делюрской шахтой было добыто угля 62,7 тыс. т вместо 40 тыс. т запланированных. Перевыполнение объяснялось тем, что добыча угля производилась за счет ранее подготовленных запасов и с крайне заниженным планом. План угледобычи на 1940 г. был повышен до 75 тыс. т [2, л. 254]. На Черемховской шахте план на 1939 г. предусматривал добычу в 35 тыс. т, добыто же было 25,4 тыс. т или 72 %. Недовыполнение произошло по ряду причин, в том числе из-за отсутствия средств на капитальное строительство и простейшую механизацию. План угледобычи на 1940 г. шахте был снижен до 25 тыс. т. Однако, по мнению «Облместтопрома» план являлся заниженным и, его руководство поставило вопрос об увеличении плана до 50 тыс. т. Следует отметить, что план

первого квартала 1940 г. установленный в три тыс. тонн шахта выполнила на 373,7 %, что подтверждает справедливость требований управления местной топливной промышленности [2, л. 255]. Добыча каменного угля на шахте «Половинский уголь» в 1939 г. составила 15 560 т (103 % к плану). Производственная программа на 1940 г. предусматривала увеличение добычи угля до 20 тыс. т [1, л. 48].

Общее состояние горных выработок на шахтах не отвечало правилам ведения горных работ. Освещение шахтных выработок производилось либо открытым пламенем, либо керосиновыми фонарями с разбитыми стеклами, что представляло большую опасность в пожарном отношении. На Делюрской шахте состояние горных работ не отвечало элементарным техническим требованиям. Штреки были завалены ненужным мусором, часть главного штрека заморожена. После проверки горнотехнической инспекцией, на шахте был закрыт склад взрывных материалов, как не отвечающий правилам техники безопасности. Выявленные инспекцией недостатки не были устранены, поэтому в 1940 г. рассматривался вопрос о закрытии шахты.

На Черемховской шахте ввиду непрерывного ведения горных работ, выработки сошли с вертикального направления, что повлекло переделку проекта горных выработок и дополнительные затраты [1, л. 47].

Серьезно сдерживало увеличение добычи угля отсутствие механизации, работы проводились исключительно вручную, только частично применялась конная откатка. На шахтах практически отсутствовала механизированная подачи угля с подземных выработок на поверхность. Для этой цели на шахте «Половинский уголь» была приобретена подъемная лебедка, однако, вопрос о ее применении не решался в течение полугодия [2, л. 282]. Для спуска людей в шахту использовался очень узкий и неудобный ходок.

Очень острой проблемой была транспортировка угля с шахт, т.к. не было достаточного количества транспорта. Шахта Половинский уголь имела три машины и 30 лошадей. Лошади не были обеспечены фуражом, автомашины запчастями и топливом. На Делюрской шахте из девяти машин три ожидали ремонта [1, л. 4].

Себестоимость продукции, которую вырабатывали шахты, была выше плановой. На продукцию не имелось стандарта. Более тщательная отборка пустой породы в забое была установлена только после Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.07.1940 г. о качестве продукции [1, л. 92].

Шахты не были достаточно обеспечены рабочей силой. На Делюрской шахте из требуемых в первом квартале 1940 г. 294 человек работало только 95 человек или 32,3 %, на Черемховской при плане 148 человек имелось 117 человек или 79,1 % [2, л. 46]. Движение рабочих кадров на местных шахтах угольной промышленности оставалось высоким.

Так, за первый квартал 1940 г. на Делюрской шахте принято 59 человек, уволено 91 человек, по Черемховской принято 124 человека, уволено 61, в том числе 54 человек за прогул [1, л. 46].

Ощущался недостаток рабочих и на шахте «Половинский уголь». Всего трудилось на шахте на первое октября 1940 г. 140 человек, из них только 20 человек в горном цехе, вместо 44 [2, л. 91], т.е. имелась явная диспропорция между занятыми на поверхности и на подземных работах. Из-за недостатка рабочих из имеющихся на шахте 28 забоев в действии находилось только восемь [2, л. 92]. По этой причине шахта систематически не выполняла план.

Такая текучесть кадров отчасти объясняется социальными проблемами: отсутствием жилья, неудовлетворительными культурно-бытовыми условиями. Очень плохо было налажено обеспечение продуктами питания и промтоварами. Работники снабжались через специальную закрытую сеть магазинов только хлебом. В продаже отсутствовали даже такие товары как соль и спички [2, л. 285]. В мае и июне 1940 г. возникли серьезные перебои в снабжении продуктами питания, и часть рабочих оставило шахту. Еще одной проблемой являлась систематическая задержка заработной платы от одного до трех месяцев. Ни на одной шахте не имелось медпункта первой помощи, детских яслей. Партийные организации шахт не занимались этими проблемами. Кроме того, рабочие шахты Делюр состояли в профсоюзе кирпичников, а не угольщиков, что также не способствовало решению социальных вопросов [1, л. 5].

Помимо имеющихся шахт во второй половине 1940 г. планировалось строительство семи районных шахт, на развитие которых было отпущено 165 тыс. р. Это Тулунская шахта, в г. Тулуне, Усть-Ордынская шахта, в 15 км от Усть-Орды, Кулганайская шахта — в 18 км от г. Зимы, Голуметская шахта — в районе с. Голуметь, Олонская шахта — вблизи с. Олонки, Куйтунская шахта — в нескольких километрах от станций Хорик и Куйтун и Черемховская шахта, которая должна была быть заложена по аналогии с существующей городской шахтой. Однако начало работ по этим шахтам затянулось. Причинами этому было отсутствие достаточных геологических данных, обеспечивающих правильную постановку работ, продолжительная задержка финансирования и ряд других. Так, ввиду недостаточного технического руководства месторождение в десяти км от села Олонки было законсервировано. В Куйтунском районе решено было не производить горно-разведывательных работ, в силу неблагоприятных геологических условий месторождения [3, л. 254; 4, л. 13].

В 1939–1940 гг. на шахтах местного значения имелась масса экономических, производственных и социальных проблем, остро стоял вопрос увеличения угледобычи. В 1941 г. на развитие местной угольной промышленности было ассигновано более 2 млн р., на которые планировалось механизировать Делюрские и Черемховские шахты, произведе-

сти жилищное строительство и начать строительство подъездной железнодорожной ветки от станции Делюр до шахты. Должно было быть закончено строительство пяти районных шахт, начатое в 1940 г. и вновь заложены шахты в Куйтуне и на Половинском месторождении.

Список использованной литературы и источников

1. Государственный архив новейшей истории Иркутской области (ГАНИИО). — Ф. 127. — Оп. 1. — Д. 347.
2. ГАНИИО. — Ф. 127. — Оп. 17. — Д. 185.
3. ГАНИИО. — Ф. 447. — Оп. 1. — Д. 231.
4. ГАНИИО. — Ф. 447. — Оп. 5. — Д. 84.

Информация об авторе

Фомина Юлия Анатольевна — кандидат исторических наук, преподаватель, Колледж Байкальского государственного университета, 664047, Байкальская 126, e-mail: fomina.y@mail.ru.

Author

Yulia A. Fomina — Ph.D. in History, Instructor, Baikal College of Business and Law at BSU, 126, Baikalskaya St., Irkutsk, 664047, e-mail: fomina.y@mail.ru.

УДК 930(571.54/.55)«1918/1920»:61
ББК 63.3(2)612,11

В.А. ШАЛАМОВ

ЯПОНСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ЗАБАЙКАЛЬЕ (1918–1920): МЕДИЦИНСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается применение японцами политики «мягкой силы» в годы Гражданской войны в Забайкалье. Одним из средств создания благоприятного имиджа интервентов использовалась деятельность японских медицинских работников. Они оказывали помощь во время военных действий, боролись с эпидемиями, помогали автохтонному населению, лечили зубы. Кроме того, общественные организации Японии выделяли средства на покупку лекарств и медицинских товаров.

Ключевые слова: Гражданская война в Восточной Сибири, Забайкалье, интервенция, японские врачи в Сибири, Г.М. Криворучко.

V.A. SHALAMOV

JAPANESE INTERVENTION IN ZABAICAL REGION (1918–1920): THE MEDICAL ASPECT

The article discusses the application of the Japanese policy of «soft power» during the Civil war in Zabaikal region. One means of creating a positive image of the invaders used the activities of Japanese health pro-